Елена Хан

Да, у меня есть другая женщина

Елена Хан
Да, у меня есть другая женщина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72254905
Да, у меня есть другая женщина:
ISBN 978-5-00217-624-3

Аннотация

Роман о женщине, для которой настоящая любовь – это самое главное. Любовь к мужу, детям, к своей семье – это все, что есть у нее, и она готова бороться за это, используя всю свою волю, свою нежность и слабость.

Содержание

1	5
2	26
3	37
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Елена Хан
Да, у меня есть другая женщина

…Нужно уметь уходить,
Когда любовь прошла,
Уходить бесшумно,
Не имея жалкого вида…
Нужно уметь, чего бы это не стоило
Сохранить все свое достоинство
И, несмотря на то, какой ценой нам это достается,
Уходить не оборачиваясь…
Нужно уметь…
Но я, мое сердце, я не могу.
Нужно уметь, но я слишком тебя люблю…

Шарль Азнавур. «Нужно уметь»

© Хан Е. 2025

1

Пасмурно, начало февраля. Солнце почти не появляется на этом сером фоне, но все же его редкие золотые лучи, проникая всюду, озаряют каждый уголок души, напоминая о тепле, счастье и обо всем, что было, теперь ушедшем безвозвратно.

Даже невозможно представить сейчас, насколько все потеряно и утрачено, какая степень поражения всех чувств и мыслей. Как будто никогда не жила и ничего не чувствовала, не радовалась, не смеялась, а мое сердце, теперь разбитое и кровоточащее, никогда не замирало прежде от наслаждения, любви и ощущения счастья! Как легко все разрушить, превратить в пыль, пустоту и начать безвозвратный отсчет чего-то другого, темного и больного, лишь только одной фразой: «Да, у меня есть другая женщина».

Какие страшные слова, как пронизывающая насквозь боль, поражающая сразу все сознание, сердце, голову, разум – все. Вначале, в какие-то доли секунды, кажется, что это относится не к тебе, что это какой-то обман слуха или слышится фраза из фильма, но ты вдруг как будто очнувшись от страшного сна, видишь перед собой уже совсем другого человека – того, кто произнес это, кто предал твои чувства, секреты, доверие, твою бесконечную преданность и любовь ко всему его существу, его разуму, действиям, к каждой кле-

точке его тела. Он предал тебя, предал весь бесконечный, непрерывный источник счастья, что разливался по телу, от самого сердца…

Это случилось в январе, в канун Рождества, признание, изменившее и перевернувшее всю мою жизнь, всю реальность. Заметив уже давно и почувствовав, что с мужем происходит что-то непонятное, я переживала, беспокоилась, спрашивала и старалась отвлечь его от грустных мыслей, уединенных занятий за компьютером, думала, как же он устал, сколько работы, различных мероприятий, встреч и новых проектов! Как ему помочь? Полностью организовала последний благотворительный вечер, привлекла известные компании, спонсоров, организовала концертную программу, ужин, аукцион, все продумала, два месяца беспрестанной работы, счастливой работы – на результат! И он был, очень успешный результат, собрали достаточное, неожиданное количество средств и передали по назначению, на лечение больным детям! Я была счастлива, потому что получилось, мы это сделали! И неважно, что все свои деяния я скрыла ото всех, ушла в тень, и мой муж принял все лавры, ни на секунду не подумав как-то отблагодарить меня или поздравить! Напротив, в заключительной части вечера я хотела всем уделить внимание, проститься с гостями, а он меня вынудил бросить всех и поехать с ним на встречу с английским лордом и его семьей, пообщаться с ними, узнать о их планах и вернуться домой, только чтобы засвидетельствовать

им, что мы вдвоем, как теперь я понимаю. Они наши давние приятели, глубоко ценящие верные семейные отношения, а их дружба ему очень важна. Поэтому настойчиво звал меня с собой, чтобы какие-то слухи о его связи с другой женщиной вдруг не повредили его имиджу в глазах уважаемых людей. А обо мне он и не думал, да и зачем, вечер удался… Это его слава, а я кто такая, кто обо мне вспомнит, и кто знает…

Но все же, умом и чувствами я понимала, что что-то происходит между нами, муж смотрит как-то сквозь меня, часто меня не слышит и не слушает, сидя напротив, думает о своем и даже не старается сделать вид, что весь во внимании. Постоянные поцелуи при встрече и расставании, слова о любви стали бесчувственными и нелепыми. Его ночные бессонницы и просмотры страниц в интернете, какая-то постоянная переписка, в которую он никогда меня не посвящал. Бесконечные телефонные звонки от кого-то, совершенно неизвестные люди, с которыми он общается, переговоры – все это настолько отдалило нас друг от друга, что я не понимала, была настолько растеряна и расстроена, не знала, что мне делать, как быть, как напомнить о себе, как заявить, что вот она я, вот здесь, сейчас, я существую!

Помню, в сентябре мы были вдвоем в командировке в Валенсии, какой же это чудесный город, где искусно совмещены древность и современность, им можно любоваться, восхищаться и обсуждать его бесконечно! Придя вечером в отель и собираясь на ужин, я старалась отвлечь мужа от его

назойливых мыслей, но тщетно. Тогда в вольном порыве я в темном длинном платье и на высоких каблуках просто запрыгнула перед ним на лаковый журнальный столик.

– Ella era la inocencia Bella, pura y fresca Como una flor al amanecer [1], – пела я и улыбалась, не сводя с него глаз.

А он меня даже не замечал, лишь только вздрогнул и продолжал сидеть у журнального столика, смотреть в свой телефон. Я уже в полном отчаянии, отплясывая фламенко, наклонилась и хотела потянуть его к себе за руку, но поскользнулась и упала вниз, сильно ударившись спиной о стол.

– Лера, ты цела, где болит? – спросил Мартин, бросившийся наконец-то ко мне, осторожно ощупывая меня, неподвижно лежащую в испанском платье, с рассыпавшимися по лицу волосами.

– Да, кажется жива, но моя душа… – ответила я, осторожно подавая ему руку, ощущая острую боль и свои горячие жгучие слезы, льющиеся из глаз от безысходности.

Тогда он вдруг стал очень внимательным и нежным со мной, но ненадолго.

Еще летом ничего не предвещало такого состояния, такого отдаления, и теперь это пронизывало нас насквозь – пустота и безразличие, отстраненность. Но что я могла сделать, я не хотела этого, не желала, я по-прежнему его любила, хотела смотреть на него, слушать и слышать каждое его слово,

---

[1] Она была невинна, прекрасна, чиста и свежа, как цветок на рассвете. (Пер. с исп.)

каждую мысль, как раньше, до тех страшных его слов.

Новый год мы встретили в Италии, – как она прекрасна в любое время года. Дарит глазу свою неповторимую красоту пейзажей, архитектурных ансамблей и касается своим дыханием вечности, античной истории, бесконечной сказки. Там как будто замираешь, лишь только солнце, свет и восторг от настоящего окружают счастливые души. Мне так казалось тогда, но вдруг, проснувшись ночью от быстрого набора текста на клавиатуре компьютера, я как будто пробудилась от глубокого долгого сна.

– Снова что-то пишешь, не спится? – спросила мужа.

А он вдруг быстро захлопнул ноутбук, словно немного виновато, видя, что я проснулась.

В это мгновенье меня словно пронзило, я увидела его глаза при свете экрана, они светились, все лицо было озарено, когда он писал, он был счастлив! Такой же, как несколько месяцев назад, такой же, как когда-то, когда мы впервые встретились. Это было в Санкт-Петербурге, в июне, он приехал на встречу выпускников в университет, где был впервые после окончания, а я – в командировке. Белые ночи дарили прекрасное настроение и состояние ожидания чуда. Мы случайно встретились вечером в ресторане, совершенно ни о чем не подозревая, не имея никаких намерений.

– Ау… Днем и ночью счастье зову… Ау, ау, ау, – смело пела я под караоке песню Розенбаума, веселясь в своей компании.

– И я хотел бы подарить тебе счастье. То, которое никто не оспорит, – продолжил молодой мужчина, подойдя ко мне, аккуратно перехватив микрофон, и встав рядом.

Коллеги стали шушукаться, заметив мое удивление, но смотрели на нас с поощрительной улыбкой. Мы допели песню, и незнакомец решил проводить меня за столик.

– Позвольте познакомиться, Мартин, – протянул он мне руку.

– Валерия Владимировна, – как всегда, ответила я.

– Ах, как все серьезно! Примерно так и предполагал, но возможно в следующий раз мы перейдем на «ты»?

– Возможно, – улыбнулась я, думая, что следующий раз будет снова здесь, через несколько лет.

– Да, отлично, только я здесь нечасто, и что-то мне подсказывает, что мы встретимся, например, в Москве, – предположил он.

– Все может быть.

– Тогда, можно ваш номер телефона?

– Вот моя визитка, там рабочий телефон, – сказала я, передавая карточку.

– Премного благодарен, обязательно позвоню, – ответил он, делая мне поклон.

– Не за что, – ответила я, поддерживая его игру.

Вот так мы и познакомились, а встретились уже на следующий день, в Москве, и больше практически не расставались.

А сейчас от этого прежнего, взаимного состояния не осталось ничего, совершенно ничего. Некогда жившее в нас чувство взаимного притяжения ушло безвозвратно. Мое сердце тогда оборвалось там, в Италии, догадки пронзили сознание, но поверить до конца я еще не могла. Дрожь прокатилась по всему телу, стучало в висках и запястьях, зубы пришлось стиснуть, чтобы не нарушить висящую тишину. Руки не слушались, тряслись, слезы хлынули из глаз, беззвучно заливая подушку. Сколько времени это тянулось, три-четыре часа, не знаю, показалось, что целую вечность. Но утро все же наступило. Муж проснулся и, поцеловав меня, пожелав доброго утра, радостный, предложил пойти на завтрак, но я отказалась, не решаясь посмотреть на него, чего никогда бы не смогла сделать раньше. Я ничего не чувствовала, моего тела не существовало, как будто все превратилось в сознание, нависшее над всем моим уставшим, измученным существом и наблюдавшее откуда-то сверху, извне. Муж ушел, а я заставила себя встать, привести в порядок, собрать вещи. Мысли путались, руки не слушались, но я старалась.

Муж вернулся в комнату, счастливый, принес гроздь зеленого винограда для меня. И как будто ничего не случилось, стал о чем-то говорить, собираться, но я не могла забыть то чувство, возникшее ночью, чувство разрушения, угрозы и страха… Мы вышли из отеля, сели в машину и отправились в сторону Милана. Немного успокоившись и совладав с собой, я спокойно стала расспрашивать мужа о его рабо-

чих планах и задачах, которые он выполнял ежедневно. Ведь многие вопросы не могли ждать и решать их нужно незамедлительно.

– Все ли ты написал ночью и успел отправить? Это секрет?

– У каждого есть свои секреты, – как-то по-новому, жестко и утвердительно сказал он, глядя вперед.

Меня начало судорожно трясти от этих слов, от чутья, что это что-то важное для него, а для меня – закрытая тема. Мои чувства настолько обнажились после его ответа, что я сказала:

– Да, только у меня нет ни от кого секретов, мои чувства как открытая книга.

Он промолчал, а мне было нестерпимо больно и страшно. Машина летела по пустынной дороге, вокруг лишь только поля и горы вдалеке. Раннее утро разливалось по всем окрестностям, наполняя их каким-то неуловимым розовым светом, теплом и спокойствием. Но во мне не было покоя, взгляд упал на его руки на руле, на обручальное кольцо, которое приподнялось над пальцем, крепко сжавшим руль. Странно, я никогда практически не обращала на него внимания, также, как и на свое, есть ли оно на пальце, и это было естественно, обычно. А сейчас вновь меня одолела дрожь, я замерла, чтобы не выдать себя. Он так плотно обхватил руль, что пальцы слились с ним, а скулы на его лице отразили решительный и совершенно незнакомый мне вид. Время болезненно тянулось, тишина повисла в воздухе, и что-то

новое, серьезное, непостижимое разумом, рождалось между нами, набирая обороты, словно увлекая в открывающуюся бездну.

Мы свернули в сторону аутлета, договорившись еще вчера сюда заехать. Машина резко остановилась, мы вышли, не говоря друг другу ни слова. Я ничего не чувствовала, ни зла, ни ненависти, ни тепла, только беспомощность и полную беззащитность. Я стояла такая маленькая, со своими чувствами и мыслями, совершенно ему чужая и не нужная, открытая, чистая и незапятнанная, как ребенок. Дрожь овладела мной, слезы хлынули из глаз, он был напротив, молчаливый и безразличный, высокомерный.

– Мартин, что происходит, давай поговорим, мне ничего здесь не нужно, рушатся все наши отношения, что с нами происходит, что случилось, что я совершила непоправимого, что меня не существует в твоей жизни? Что с тобой, объясни, пожалуйста, у тебя есть другая женщина? – говорила я, дрожа всем телом, с болью произнося слова из самого сердца.

…Услышанное внезапно поразило меня и потрясло настолько, что я потеряла всякую ориентацию, мысли спутались, сердце билось, глаза застилали слезы.

– Давно? – вырвалось у меня, как последняя надежда, что это неправда, что это только розыгрыш, а не жестокая реальность.

– Четыре месяца, – ответил он сухо.

Как будто небо упало на землю, все содрогнулось, закача-

лось под ногами, слилось в одном цвете. Слезы лились рекой, не было ни прошлого, ни будущего, ни настоящего, не было ничего, черная бездна. В ушах звучали его слова на все лады: громко, раздаваясь как эхо, тихо, протяжно, обрываясь и исчезая. Его лицо было передо мной, такое равнодушное и чужое, потом его образ, исчезающий вдалеке.

Все было в бреду, кто вокруг меня, где я, я не знала. Сколько прошло времени – минуты или часы, не понимала. Сколько я бродила среди сверкающих бутиков и счастливых лиц, не помнила. Остановилась, осознала реальность, собрала силы, достала телефон и набрала его номер.

– Мартин, подойди, пожалуйста, ко мне сейчас, я жду тебя, подойди ко мне, я на том же месте, где мы расстались, – слышу я свой резкий голос, и слова, которые я произносила в приказном тоне.

«Это мои слова и мой голос?» – думала я. Раньше я и представить не могла, что так умею. Я огляделась, действительно, это то место, где мы расстались какое-то время назад. Я как будто проснулась ото сна и не знаю еще, где нахожусь.

Вдруг я увидела его лицо, прямо перед собой, муж появился неожиданно откуда-то из толпы. Стоял и смотрел на меня, в кашемировом полупальто и в перчатках, просто смотрел без тени сожаления или стыда, даже надменно. Я увидела его и себя – как будто со стороны: стоим друг напротив друга, я – в своем черном пуховичке, с рыжим шарфом, завязанным поверх воротника, как школьница, такая беззa-

щитная перед этим большим, чужим человеком с черными непроницаемыми колючими глазами, которые смотрели на меня совершенно равнодушно. Летели секунды, я не могла сосредоточиться на мыслях, всего час назад все было по-другому, казалось, я что-то значила в этом мире, а сейчас я никто, ничто, что-то раздавленное, несуществующее.

– Зачем ты это сделал, объясни мне, Мартин, что случилось, что мне делать, скажи, пожалуйста, что? Я все сделаю, что ты хочешь, как все вернуть? Как найти тебя, это не ты, что случилось? Чего ты хочешь, скажи, пожалуйста, что ты ищешь! – слезы застилали все вокруг, я не видела ни людей, ни солнечного света, все было серым, а его глаза смотрели на меня безразлично, жестко, больно.

– Я изменюсь, как ты хочешь, буду вести какие-нибудь твои проекты, чего ты хочешь? Чтобы я стала такой, как тридцатилетние? Что мне сделать? Хочешь, я сделаю все, что тебе нужно, чего бы ты хотел? – почти кричала я, рыдая. Но в ответ только молчание, ничего, пустота. Слезы остановились и снова стали заливать мое лицо.

– Молчишь, тебе все равно и ничто в тебе не дрогнет, сколько же нужно иметь равнодушия, и как же ты живешь на свете! – упрекала я.

– Хочешь, я все брошу, брошу работу, буду все время с тобой, буду ездить с тобой, чтобы быть рядом, помогать тебе, – продолжала говорить, заливаясь слезами, стараясь зацепиться хоть за маленькую возможность удержаться и най-

ти какую-то опору в наших отношениях, рухнувших в одночасье.

– Ну уж нет! С тобой быть все время, ни за что! – услышала я и не поверила своим ушам, все поплыло у меня в голове, я уже ничего не понимала, что происходит и не схожу ли я с ума! И это тот же человек, с которым мы только вчера были вместе, рядом, как плоть и кровь, это тот же человек, который до самого последнего времени залетал в мой кабинет, чтобы забрать меня с работы и встречал поцелуем, а при любой возможности говорил: «Я тебя люблю!». Это тот же человек! Который теперь, спустя часы, и видеть меня не хочет! Я уже ничего не понимала, каким же лицемером, циником можно быть! Кто это? Это тот же человек, который был все время со мной и все время врал, обманывал, жил двойной жизнью? Это тот человек, который считает себя порядочным? Не могла совместить у себя это в голове, снова стало стучать в висках, все поплыло перед глазами, такого психологического стресса я еще никогда не испытывала. Это предательство, грязь, боль. Что-то дрогнуло в груди, взбунтовалось, хотелось вытряхнуть из этого существа, стоящего рядом все и найти того, кого я люблю. Где он, мой любимый Мартин, такой добрый, открытый и доступный, как его найти? Но потом опять стали раздаваться в голове его слова: «… с тобой – ни за что!» Какой-то протест возник во всем моем существе, хотелось защититься от этого всего.

– Ты хочешь только брать, использовать людей, а потом

вот так выбросить и больше не думать о них, да? – вырвалось у меня. – Эх ты, я всегда видела в тебе Андрея Болконского и была в этом уверена, а спустя двадцать лет, поняла, что ты Курагин! Столько лет вместе, я все ради нашей любви оставила: прекрасную работу и возможности, ушла на второй план… ты зачем меня забрал, зачем? Я все бросила ради тебя, ради нас, я поверила тебе, полюбила, бросила все начинания: аспирантуру, диссертацию, была твоим детям как настоящая мать, они стали теперь и моими!!! Уроки, болезни, забота, погружение в их жизнь, любовь, радости и защита их ото всего в этом мире. Я им была и есть – мама, сестра, подруга, няня – я это все для них! А своих детей вначале я же оставила в России и уехала, а как они меня ждали, скучали и плакали, хорошо, что мои родители их поддерживали. А сколько слез я пролила и сколько боли, борьбы было в моей душе, я готова была уехать к ним в Москву, каждый день, и все оставить… А сколько я слушала и терпела разных бредней от твоей бывшей и от твоей мамы, которая все учила меня, воспитывала, делая вид невинного ягненка. Но только стоило тебе открыть дверь, стоило только увидеть тебя, я обо всем забывала, во мне жило такое огромное чувство, такой необъятный горячий шар, заполнявший все внутри своим теплом, я любила тебя и сейчас люблю. Очень сильно люблю, неужели это ты, это тоже ты, кто смотрит на меня сейчас, безразлично и надменно?! …Что мне делать, скажи, что, куда идти, кому я теперь нужна, детей я выраc-

тила, постарела, карьера потеряна. Тебе я не нужна, что мне делать? Умереть здесь на этой площадке, что сделать, скажи, мне теперь все равно, я уже никому не нужна, – рвались слова из моего сердца.

Не остановившись и не отдышавшись, я, плача, продолжила горький монолог:

– Что мне делать, я смотрю на тебя и не могу поверить, что это ты, тот, которого я безмерно люблю, каждую твою клеточку, все твои движения и еле слышное дыхание, это все живет во мне, срослось со мной, и я не мыслю никого и ничего другого, ты часть меня! Что мне делать, скажи?! Как мне умереть сейчас? Прямо здесь, чтобы больше ничего не видеть на этом свете…

– Ничего не делать, так и будем жить, как все живут, теперь так будем жить, – не веря своим ушам, слышала я его голос и новый смысл его наконец-то произнесенных слов.

– Это ты так будешь жить. А я не буду, не смогу и не хочу, такая жизнь не для меня! Я не смогу, я очень чуткий человек, я чувствовала, что что-то происходит, ты совершенно отдалился от меня. Пока я занималась здоровьем твоей мамы и помогала детям устроить свою личную жизнь, и одновременно, после моей операции, чувствовала себя очень слабой, ты совсем отдалился, я тебя спрашивала все время, что происходит, Мартин, а ты мне говорил, что все хорошо, что любишь меня. Организовывала разные проекты, чтобы сблизить тебя с другими интересными людьми, и чтобы тво-

ей маме было интереснее с нами. А оказалось, это никому не было нужно, и я не нужна, тоже! – продолжала плакать я.

Слезы падали и падали из глаз, мое тело дрожало, сердце безудержно рвалось наружу, в висках стучало, я ничего уже не понимала, что мне делать теперь и реальность ли это – то, что сейчас происходило.

Все плыло, он стоял напротив и смотрел на меня, такой чужой и безразличный, руки были сложены за спиной, и ничто не дрогнуло в его теле. Глаза смотрели прямо на меня, обезоруживая, таким холодным и надменным взглядом, оценивающим и далеким. Мне показалось даже, что он смотрел на меня с каким-то сожалением и жалостью, что я вот такая немощная, и была с ним все эти годы. Я читала это в его глазах, читала и плакала, не веря ни во что и не понимая, что это была реальность. Вдруг что-то заныло в сердце, взбунтовалось, в голове возникли какие-то видения, поплыли, как картинки, вся наша совместная жизнь промелькнула в считанные секунды: счастье, любовь, дети, родители, друзья, все были со мной, но эти страшные слова звучали и звучали: «Да, у меня есть другая женщина…». Все смешалось, захотелось закричать, стереть все настоящее с лица земли и вернуться в прошлое. Я снова увидела его перед собой, но это не он, не мой любимый Мартин. Возмущение встряхнуло душу, я не выдержала:

– Мартин, оставь ее, эту женщину, оставь навсегда, сегодня, сейчас же, вычеркни все из своих мыслей, давай вер-

нем все, как было прежде, что можно сделать и как исправить наши отношения, она не может быть между нами, это невозможно, это не могло с нами случиться, мы так любили друг друга, так бережно и трепетно относились друг к другу! Я и сейчас тебя люблю, безумно просто! Оставь ее сейчас, Мартин, давай вернем все и забудем это как страшный, тяжелый сон! Не убивай нас, нашу любовь, это ошибка, очень большая ошибка, которая будет стоить нам двоим очень дорого! – все плакала и просила я.

Но он молчал. Смотрел сквозь меня и молчал.

– Это невозможно, – словно откуда-то извне услышала я его голос. – Нужно время, я не готов все порвать, это серьезно, – ровно и спокойно проговорил он. И добавил: – Мне нужно полгода, чтобы разобраться.

– Мартин, это невозможно, как можно ждать полгода, чего ждать, чтобы это меня уничтожило и разбило всю мою дальнейшую жизнь и погубило, ты думаешь, о чем говоришь?! Мне не двадцать лет, и я не могу ждать полгода, мы не можем ждать, нас тогда уже не будет, именно нас, о чем ты говоришь и как ты себе это представляешь? Это реальность или я схожу с ума? Сегодня шестое января, завтра день, чтобы ты подумал, а восьмого после обеда я буду ждать от тебя ответ, твое решение, вместе мы будем или разойдемся навсегда. Как я переживу эти дни, не знаю, но я буду ждать, я постараюсь выдержать, чтобы знать и принять свое решение.

Слезы застилали все передо мной, от безысходности сда-

вило горло, но я бессильна, совершенно бессильна и ничего не могла тогда сделать. Боль сковала грудь, сердце рвалось наружу, дыхание срывалось, я не знала, что делать, что думать, чего ждать.

– Мартин, чего ты хочешь от меня, чтобы я ушла, взяла билет и уехала навсегда, чтобы тебе спокойно жилось в этом мире, я не под стать тебе, да, такая далекая, совершенно неподходящая тебе и твоей такой значимости? – спрашивала я с болью, и словно сама себе отвечала, убеждала: – Нет! Я никуда не уеду, и ты этого не дождешься! Мне некуда ехать, я все потеряла в этой жизни и твоя жизнь – моя! Но если ты так хочешь, ты получишь это! Я буду такой, какой ты меня себе представляешь теперь! Хорошо! Ты хочешь вести свободный образ жизни? Веди! Но одна треть твоей собственности – моя и карточки, счета, пожалуйста, мне предъяви, о которых я никогда не спрашивала. Буду расплачиваться всюду и покупать все, что захочу! Ездить – куда захочу и с кем захочу. И ты мне – не преграда! Пожалуйста, пусть все будет по-честному! 1/3 всех долей – нашему сыну, а ты живи где хочешь и с кем хочешь! Я тебя двадцать лет назад взяла к себе, вернула к жизни, вдохнув в тебя надежду, полюбив всем сердцем, стала жить с тобой, нашими общими детьми и только нами.

– Нет, так не будет, – говорил ты сдержанно и явно чувствовал себя уже менее уверенно, чем прежде.

– Да, все будет именно так, – говорила я громко, – а ты

хотел, чтобы все было только так, как ты желаешь и можно человека выбросить из своей жизни на помойку? Я все время рядом с тобой. Я потеряла все на свете, я потеряла себя! Все только для тебя в этом мире, ты же знаешь! «Мартин, вот эту рубашечку надень… вот этот костюм замени… вот эти туфли сюда подойдут, эти запонки… Нужно тебе встретиться с тем-то, а с этим не сейчас, так лучше будет. Поговори с теми, нужно пригласить к себе этих или других…» – только все, чтобы у тебя складывалась карьера и дружеские отношения, чтобы тебя ценили и уважали. Даже те, кто с тобой были осторожны и совсем не понимали, в итоге, располагались к тебе, слушая меня, о том, как мы проводим время, какой ты семьянин, о наших детях и о том, какой ты чуткий, замечательный и надежный человек! – с надрывом, говорила я. – Да разве ты достоин был всего того, что я делала, чем жертвовала? Нет! Только за твой взгляд сегодня, за твое пренебрежение можно все уничтожить, разбить, раскромсать и больше никогда не вспоминать о тебе!

Не знаю, откуда брались силы перечить ему, себе, самой этой страшной ситуации:

– Вот так и будем жить, именно так, как я сказала! Все, что ты сейчас говорил и что сделал, станет известно всем! Я не буду тебя прикрывать или стесняться, мне теперь все равно, все узнают, какой ты на самом деле! И никто тебя не спасет, никто не станет с тобой возиться, я уничтожу все, камня на камне не оставлю! Ты не будешь вольготно так се-

бе жить! Пусть все будет так, как ты хочешь и как ты того заслуживаешь!

Я говорила громко, ничего не понимая, что и как говорю, во мне была такая боль, что казалось, уже ничего не оставалось – ни сердца, ни мыслей, ни чувств.

– Сегодня шестое января, вот подумай и прими решение. Мы живем в мирной жизни, все, слава Богу, здоровы, нужно жить, воспитывать детей, радоваться, создавать ценности, насколько это можно, реализовывать свой потенциал, на благо семьи, пусть это будет громко сказано, но и для всего человечества, ведь не боги горшки обжигают. А ты руководитель, у тебя пятеро детей, какой пример ты подаешь? И что они все о тебе подумают, станут ли уважать, доверять? На войне так себя не вели мужчины, даже самая маленькая весточка из дома, от любимых, родных, друзей, их спасала, а ты как будто последний день живешь на свете, как животное! Даже лебеди в нашем пруду, у дома, защищают свои семьи, львы, тигры, кто угодно, откуда эта распущенность у тебя, откуда, разве у тебя деды не воевали, мои не воевали, ты не помнишь? В пустыне живешь, ты не знаешь, какой кровью человечество достигло этого мира, где ты сейчас живешь и сеешь этот грязный разврат? Подумай, опомнись, до чего ты опустился! – не могла уже остановиться я, все говорила и говорила…

Мартин как-то вдруг опустил голову, глаза смотрели вниз, его уверенная осанка и надменность исчезли, пропали. Как

будто он услышал что-то совсем другое, чего не ожидал и даже не мог предвидеть, что такое вообще возможно! А я никак не могла успокоиться, все бунтовало и клокотало внутри.

– А теперь идем в бутики, и я куплю себе все, что захочу. Все! А то ведь все время тебя одеваем, чтобы ты был великий и неподражаемый, чтобы приятно и комфортно было тебе! Для других женщин, как оказалось! А мне-то зачем, мне можно что-то поскромнее и попроще, можно и сэкономить! Теперь – нет! Время-то – прошло! Теперь я куплю все, что хочу и буду так делать всегда. Идем! – я взяла его под руку.

Мы шли вместе, но я ничего не могла вместить в своей голове и осознать, что ж я делаю, что говорю и что делать дальше. Зашли в какие-то бутики: Прадо, Диор, Хлоя, Версаче, Луи Вюиттон… всюду много красивых вещей и аксессуаров, но мне все безразлично, зачем, для чего, теперь все не имеет смысла. Потеряно все, настоящего тоже нет, а будущее совсем оборвалось и растворилось, утонуло в черной дыре, в бездне моего бесконечного горя.

Так мы бродили по центру, я – совсем бесцельно, он – задумавшись о моих словах, так и не предприняв ничего, мы вернулись к машине и молча поехали. О ночлеге в Милане мы так и не вспоминали, проехали мимо, направляясь домой. Так продолжалось несколько часов, затем что-то сломалось во мне, и я снова начала говорить, выплескивая эмоции.

– Мартин, зачем ты все это сделал, что толкнуло тебя, возможно я не могла уделить тебе должного внимания, но разве

вот так сразу возможно выбросить человека из своей жизни навсегда… да ведь мы на своих, вот этих руках выползли вместе из безысходности, с пятью детьми на руках и добились всего, что у нас сейчас есть, сколько мы проехали по миру вместе, сколько мы посмотрели и прочувствовали вместе… И теперь все это выбросить, зачеркнуть, забыть. Как? Скажи, кто эта женщина, она русская? Молодая, она замужем?

– Да, русская, она замужем, у нее есть сын, – сухо говорил он.

– А муж у нее русский? – зачем-то спросила я.

– Да, русский, – как-то с сочувствием ответил он. – И совсем никчемный, давай не будем больше об этом говорить.

Я замолчала, обдумывая. Молчание долго никто не нарушал, и я снова задрожала, сами собой покатились слезы, а Мартин, ведя машину, смотрел перед собой, задумчиво и совсем неоптимистично. Этот путь был самым длинным в моей жизни и самым тяжелым. Ни о чем не говорили, молчали. Реальность не укладывалась в сознании: вот он, мой дорогой и любимый, родной близкий человек, которому можно было доверить все без остатка. Но это уже не так! Буквально какие-то часы разделяли меня с ним прежним, но это уже целая эпоха. Все теперь разделилось на «до» и «после»!

2

Париж нас встретил как-то тихо, беззвучно и безразлично. Это был все тот же мой любимый город, но сегодня он не вызывал никаких чувств и эмоций, и даже то, что мы вернулись домой, меня не спасало. Это город, где я впервые стала жить за границей, когда мы приехали с мужем и детьми, где проводили время, прогуливаясь по улицам и набережным, восхищаясь каждым домиком и каждой клумбой. Где исследовали все окрестности и деревеньки, где купались в озерах и собирали ягоды, овощи на полях. Где мы были так счастливы в этом сказочном городе, где было столько встреч с близкими и друзьями. Где были первые свидания и первая любовь у детей. Сколько вечеров и счастливых дней проведено вместе, сколько цветов получено в подарок от моего дорогого мужа, который сейчас совершенно чужой и отрешенный человек. Как это возможно? – снова возникал вопрос в моей душе и в моем сердце, все существо задавало мне этот вопрос, но, к сожалению, я не могла ответить, мои сознание и плоть не знали ответа и не могли ничем мне помочь.

Дом, мой любимый дом, ты ли это? Открываю дверь, навстречу выбегает моя любимая и дорогая Мину, выгнула спинку и подняла мордочку ко мне, чтобы понюхать и убедиться, что все в порядке, все как всегда. Я вхожу, ставлю сумку, раздеваюсь и обнимаю кошку, взяв ее на руки. Она

прижимается ко мне спинкой, мурлычет и тычется своим холодным носиком в лицо, как-то по-новому вглядываясь в меня и обнюхивая. Слезы снова покатились по моему и без того опухшему лицу.

– Мину, все хорошо, я дома, моя дорогая, какая ты милая! Как ты здесь, скучала без нас, никто тебя не обижал? – спрашивала я ее, согревая и прижимая к себе еще больше. А она как будто все понимала и смотрела на меня своими желто-зелеными глазами, мурлыча то громко, то тише, прижимаясь ко мне все сильнее.

Я отпустила кошку на пол, дала ей покушать, поставила чайник. Мартин принес вещи, оставил их в прихожей и расположился в салоне с книгой, налив себе чаю.

Разобрав вещи и освободив дорожные сумки, замирая на время у какой-то вещи мужа, я вспомнила, что только вчера мы были еще счастливы, смеялись, шутили в ресторане, радуясь вечеру. Прижав его свитер и рубашку к своей груди, к губам, мне хотелось вдохнуть еще тот запах, запах любви и счастья, которые были со мной вчера. Слезы беззвучно катились и катились, заливая лицо, падая на грудь. Я осталась одна, совершенно одна, в нашей спальне, в этой большой комнате, некогда даривщей нам любовь и тепло.

Я беззвучно села за столик, ни о чем не думая, глядя перед собой и уже ничего не чувствуя и не желая. Затем встала, открыла шкаф, где на полочке стояли иконы, бутылочки с маслом и святая вода, зажгла свечи, встала на колени и стала чи-

тать молитвы, все, которые я знала и любила. Я читала и чувствовала всем телом, каждой клеточкой, что все они были рядом со мной, все святые, они меня слышали, видели и помогали. Продолжала читать вслух, наизусть, потом – по книге, слезы меня оставили, пришло какое-то спокойствие, где-то внутри, у самого сердца. Боль не ушла, но разум вернулся, реальность стояла передо мной, и неизвестность, страшная неизвестность висела в воздухе, заполняя собой все пространство. Я смотрела на книги, брошюры в моем шкафу, подарочные информационные материалы и так мне захотелось все это выбросить, уничтожить и очистить эту мою комнату, забыть обо всем, чтобы было легче дышать. Я открыла все ящики в комоде и дверцы шкафов, собрала свою одежду, книги, брошюры, подарки, все, что попадалось мне под руки, сложила в мусорные пакеты и одевшись, вынесла на улицу, в мусорные баки – весь этот ненужный груз. И решила для себя, что так – всю свою боль и все свои несчастья я выбросила и забуду о них навсегда! Пусть все уйдет и никогда не вернется больше ко мне, никогда!

Я вернулась в квартиру, где царило безмолвие, Мину встречала меня у двери. Мартин не выходил, как раньше, он был в другой комнате, ушел от меня и, возможно, навсегда. Буду ждать восьмое января, возможно, что-то изменится к лучшему. Слез уже не было, сердце ныло, дышать тяжело. Не хотелось ни спать, ни есть, ни пить. Я ничего не чувствовала – ни обиды, ни зла, только тупую, не уходящую боль.

…Поздно, нужно было ложиться спать. Я приняла душ и легла, укрывшись двумя одеялами. Сколько лет я не спала одна, было так холодно, меня трясло, глаза не закрывались, хотя все тело стонало и изнемогало от усталости и слабости. Что я могу сделать, пульс бешено стучал в висках, руки ледяные, пустая и холодная постель не согревала, лишь только пугала страшным будущим. Время тянулось, бессонница мучала, я встала, открыла ящик с лекарствами, достала все, что нашла от бессонницы, стресса, боли, приняла и снова попыталась уснуть. Мину, моя дорогая, пришла ко мне, забралась на кровать, приблизилась к лицу, долго обнюхивала, дышала на меня теплым дыханием и легла рядом у изголовья, прижавшись спинкой к моим плечам.

Стало немного легче, пульс успокоился, но сон так и не пришел. Воспоминания заполнили все мысли, его страшные слова снова звучали в ушах, то тише, то громче. Потом появлялись мы, в Вене и в Венеции, держась за руки, гуляя по улицам и катаясь на гондоле. Как все это можно совместить и как все это было? Он уже был четыре месяца с другой, имел встречи с ней, вел постоянную переписку и общение. А я не знала ничего, не хотела знать и чувствовать. Не знала, но боялась этого. И это случилось! Август был последним месяцем, который был с нами и был последним причалом нашего счастья.

Помню, осенью, в самом конце октября – начале ноября, мы вдвоем были в командировке, в Германии и остано-

вились в отеле «Европа-парка», там было так красиво, был как раз праздник Хеллоуин, все было украшено, яркие тыквы, разноцветные листья, фонари, повсюду множество разных масок и персонажей, это было необыкновенно красиво – в отеле и на территории. Мы провели чудесный вечер, а рано утром, спускаясь на завтрак, уже в холле, я неожиданно взяла Мартина за талию, хотела пошутить и испугать его, но он был увлечен разговором по телефону.

– Больше никогда так не делай! – он дернулся, подпрыгнул и практически закричал на весь холл.

Все завтракающие внизу оторвались от тарелок с едой и смотрели на нас, у меня от неожиданности полились слезы, на меня никто в жизни так не кричал, я была потрясена; Мартин вообще никогда голос не повышал, тем более – на меня или близких. Я развернулась и ушла в номер, вытирая слезы, пытаясь успокоиться, а спустя время муж вернулся и улегся с телефоном на кровать.

– Ну извини меня, я разговаривал, а ты мне помешала, – без особого желания попросил он прощение.

Я не могла долго ничего ответить, не знала, что можно ответить, а только беззвучно плакала.

– В любом случае, это недопустимо, так вообще не позволительно ни с кем говорить, – ответила я, всхлипывая. – У тебя что-то случилось на работе или с мамой?

– Я вообще не обязан тебе отчитываться, – почему-то резко ответил он.

Тогда я ничего не понимала и не могла ничего ответить, мне как будто две пощечины дали сразу и сразили наповал, я сидела и плакала до самого отъезда. Теперь я стала понимать, что он разговаривал тогда с ней, и наверняка мы полная противоположность с ней, видимо, я его жутко раздражала и его эмоции выходили из-под контроля.

…Но было и много прекрасного, вся жизнь была сказкой. Вспоминаю Париж, наши поездки вместе, посещение музеев и прогулки, поездки в Довиль. Как было прекрасно: солнце, море, моя рука в его руке, закат, восход, а утром он меня будил и вел к окну, закрывая второй рукой мне глаза, потом вдруг убирал руку и передо мной открывалась необыкновенная картина: морской пейзаж и утренние прогулки на лошадях вдоль песчаного берега. Мы смотрели, как это красиво, когда лошади бегут по воде, оставляя в воздухе и восходящих солнечных лучах серебряные брызги, а наездники уверенно держатся в седлах, сливаясь в своих движениях с ними! Потом мы бежали на улицу и долго были на берегу, шлепали по воде, догоняли друг друга, веселились, это было прекрасно – вместе гулять, наблюдать, быть частью каждого чудесного утра, такого чистого и красивого, вечного в моей памяти, и которое никто у меня не отнимет, не сможет отнять…

Послышался шум вдалеке, какое-то движение, это машины спешили на бульвар, сегодня там рынок, как всегда по субботам, значит, уже седьмой час. А сна так и не было, сего-

дня новый день, совершенно новый, к тому же, русское Рождество. Уже двадцать часов, как все изменилось в моей жизни и в моем сознании, а как будто двадцать лет нас разделяют с тем счастливым временем, когда я ни о чем не знала.

Раннее утро, в спальне тихо, никого, только я и мое дыхание. Мину уже убежала. Нужно вставать и начинать жить снова. Это первое утро, когда я одна в своей спальне и никто меня не обнимет и не согреет, не поцелует. Не было планов, желаний, не было ничего. Только жуткая усталость во всем теле и немного качало. Очень трудно понять происходящее, просто невозможно. Но нужно было вставать, одеваться и постараться идти дальше, продолжать свой путь.

Одела свой любимый пеньюар и отправилась на кухню, чтобы сварить кофе.

– Доброе утро, – услышала я любимый голос и душа дрогнула от радости. Мартин тоже проснулся и направился в ванную.

– Доброе утро, – ответила я поспешно, в бессознательной надежде, что он здесь со мной и возможно этот «страшный сон» скоро закончится.

Но нет, он вошел на кухню молча налил себе чай из уже вскипевшего чайника, где воды было только на одну его чашку. Раньше он всегда наливал воду для нас двоих, а теперь – только себе. Он направился в зал, не обращая внимания на меня. А я, с трудом сдерживаясь от слез, чтобы не зарыдать во весь голос, снова поставила чайник. Потом свари-

ла себе кофе и присела на кухне. Смотрела перед собой, затем на улицу, раньше я так любила эти дома напротив, деревья, людей, которые живут здесь, и с удовольствием наблюдала за ними, радуясь всему. Теперь мне было все равно, все казалось таким чужим и далеким, даже не верилось, что только неделю назад, перед отъездом, я здесь была счастлива. Но почему неделю назад? Ведь он сказал, уже четыре месяца у него другая женщина, – снова стучало у меня в висках. Да, я замечала, многое замечала, душа моя чувствовала, мое женское тело тоже мне подсказывало очень серьезно, что что-то происходит не так, но я не могла поверить и подумать даже, что такое возможно, я никогда не ревновала никого и не понимала, что это такое и что это может со мной произойти. Мама Мартина и дети отвлекали от таких мыслей, я была все время занята, особенно работой. Мы казалось, были счастливы: «глаза в глаза, рука в руке» – что было сердечным правилом для нас обоих. И вдруг теперь все по-другому.

Мартин оделся и вышел в коридор.

– Я пойду на рынок и в магазин, тебе нужно что-нибудь купить? – спросил он.

Я подошла к нему, глядя в лицо и не знала, что мне сказать, что мне нужно и зачем? Слезы снова заполнили глаза и хлынули по щекам.

– Нет, спасибо, мне ничего не нужно, ничего не хочу, покупай, что бы ты сам хотел, – смогла я сказать и, заливаясь слезами, убежала в комнату.

– У меня есть время до завтра до после обеда, завтра я тебе отвечу, как мы решили, ты сама мне это время назначила, – говорил он, как будто упрекая меня за мои слезы, не понимая, какую боль причиняет каждое слово о настоящем.

Он захлопнул дверь и ушел, а я ничего не могла сделать с собой, рыдания душили и заполняли всю грудь, слезы лились. Я упала на кровать и дала себе волю – плакала и плакала, все тело содрогалось. Наконец, я остановилась и решила взять себя в руки, хоть немного, встала и пошла в ванную, под душ. Это меня немного успокоило, я вышла из ванны и направилась в гардеробную, открыла шкафы и начала выбрасывать все свои домашние вещи, не совсем новые и неинтересные. А также стала выбрасывать все: платья, блузки, юбки, все, в чем я была вчера и ранее. Нашла новые брюки и яркую футболку, надела и решила для себя, что отныне все будет по-другому, это совершенно новая жизнь и она должна быть! Она существует, я должна продолжать жить, а не проживать. Пусть все, что я выбросила, уйдет в прошлое и никогда не вернется, никогда не будет беспокоить мою жизнь. А все новое подарит мне счастье, любовь, надежду!

С таким настроем я собрала в пакеты все вещи, оделась во все новое и вышла на улицу, чтобы выбросить все в мусорные баки. Это придало немного сил. Заправила кровать, привела комнату в порядок.

Вернулся Мартин с большой сумкой, купил разных молочных продуктов, йогуртов, фруктов, овощей, всего поне-

многу. Он мельком глянул на меня в моей яркой малиновой футболке, серых брюках, но взгляд все-таки задержал, это от меня не скрылось, и искра счастья блеснула в душе. Значит не совсем безразлична все-таки, что-то осталось наверняка.

– Я купил много всего, что ты любишь, посмотри, чтобы ты хотела выбрать, – предложил он.

– Спасибо, Мартин, я посмотрю, – ответила я, разбирая покупки и убирая их в холодильник. Есть ничего не хотелось. – Ты хочешь есть, что-нибудь приготовить?

– Нет, спасибо, – отказался он и ушел в большую комнату – в салон, взял книгу и прилег на диване. Я же занялась в своей комнате работой. Еще не было и десяти часов. Время тянулось, я сбросила с телефона новые фотографии в компьютер, освободила память и начала снова работать. Старалась отвлечь себя от мыслей, как только могла, но все-равно вспоминала нас вдвоем, наш зимний и летний отдых, вспоминала все. В душе ныло, сегодня Рождество, а у нас происходит что-то ужасное, праздника нет, лишь боль и беда! Приходили смс и е-мейлы с поздравлениями, звонили дети, родные, близкие, знакомые и коллеги. Никто ни о чем не знал и не догадывался, хотя голосом можно легко выдать всю свою боль. Я отвечала всем, как обычно, с теплом и вниманием.

Но вдруг позвонила моя знакомая, и невзначай сказала, что под Рождество была у женщины, которая владеет белой магией, гадает на картах таро и предложила мне с ней познакомиться. Я отказалась, но телефон в смс сохранила. Еще в

прошлом году Мартин поссорился со своим коллегой, который хотел остаться в бизнесе, а потом ушел, все-таки вдруг он через магию ему отомстил, возможен ведь такой вариант… Но это самая малая доля вероятности. И все же мне нужно как-то зацепиться за что-то, разобраться во всем и попробовать разбудить как-то мужа, чтобы он тоже задумался немного о себе и о нас.

Я созвонилась с женщиной-магом, объяснила ситуацию, она сказала сразу, что это черная магия, и мы договорилась 20-го января встретиться у нее.

3

Время тянулось, я как только могла, занимала себя, старалась воедино собрать свое разорванное сердце, думала о детях, родителях, работала. Был еще только полдень, но сил не хватало, не хотелось ничего, работать сложно, все мысли путались. Нервы натянуты, как струны. Встречаться с детьми не планировали, они в отъезде, друзья – тоже. Вдруг меня посетила мысль поехать к одним нашим друзьям, которые приглашали отметить Рождество, если мы вернемся раньше. Я написала им смс, могу ли я приехать одна, они мне сразу же перезвонили и я, быстро собравшись, красиво одетая, вышла из дома. Муж был в салоне, и не ожидал, что я уйду куда-то, тем более, такая нарядная.

– Пойду погуляю, – сказала я и быстро вышла. Завела машину и поехала в гости. Доехала быстро, Александр и Оксана меня ждали, встретили, обняли, поцеловали, Александр пригласил меня в салон, Оксана заваривала чай, готовила закуски. Мы с Сашей расположились в зале и ждали Оксану.

– У Мартина появилась другая женщина, я не знаю, что мне делать, он и ее не хочет бросать и со мной разводиться якобы не собирается. Не понимаю, что с ним, как это случилось, для меня это совершенная новость, трагедия. Как мне быть, что делать, не знаю. Он стал совсем другим человеком, – выпалила я сразу все наболевшее. – Тот Мартин, ко-

торый был раньше, умер и его нет, тот, кого я вижу – это совершенно другой, надменный, высокомерный человек, для которого я – ничто и никто, – подробно рассказывала я.

Не обошлось без слез, но я сдерживалась изо всех сил. Саша с Оксаной выслушали меня внимательно и долго молчали.

– Лера, не могу поверить, что он так мог поступить, я настолько его всегда уважал и доверял, что не верю, что это с вами произошло. Настолько вы красивая пара, внимательные друг к другу и к окружающим, столько вы пережили и прошли вместе, вырастили детей, и такое не могло с вами случится. Мартин порядочный, как мы считали, как он мог себе это позволить и дать повод, вот так предать всю жизнь и тебя, Лера, я не понимаю. Но, исходя из этой ситуации, нужно решать, как поступить и как быть дальше. Мое такое мнение: завтра после обеда он скажет, что решил. Думаю, скажет, что он все обдумал и останется с тобой, и будет просить прощение. Но так все быстро забыть он не сможет и нужно время, чтобы он забыл все и все встало на свои места, где-то полгода он еще будет вспоминать и переживать об этом, потом все будет хорошо. Все-таки думаю, что его врожденная порядочность ему поможет справиться с этой тяжелой ситуацией, – высказал наконец свой вердикт Александр.

Мы направились в гостиную, на столе были салат, горячие мясные закуски, бутерброды с рыбой и много всего вкусного.

– Все как всегда – очень красиво и вкусно, спасибо боль-

шое! – старалась держаться я, попробовала проглотить что-то, рассказывала о нас, плакала и смеялась. Мы шутили и серьезно обдумывали, как все сложилось и как можно все изменить к лучшему. Было очень хорошо, тепло, как будто я дома, с родителями, в своем счастливом детстве и юности, рядом все самые родные и близкие: один за всех и все – за одного. Пару часов пролетели как несколько минут. Я сердечно поблагодарила их и отправилась домой. Стало легче, а сердце пронзительно ныло, но у меня появилась надежда, слова Саши меня вдохновили, что завтра Мартин все-таки скажет, что все закончено и он меня так же любит, как прежде. Домой я вернулась в начале пятого, Мартин был в зале, сидел и смотрел телевизор. Когда я вошла, он оживился.

– Как прогулялась? – спросил он, подойдя ко мне.

– Хорошо, спасибо, – ответила я дежурной фразой и ушла в свою комнату.

Разделась и снова села за компьютер, чтобы продолжить свое занятие. Так прошло время до самого вечера. Мысли блуждали, я старалась собраться и заниматься, но все думала, как все исправить и возможно ли это, а что будет завтра? Усталость меня совсем подкосила, я встала, приняла ванну, кучу разных снотворных и легла. Время застыло, я провалилась в дрему и заснула. Проснулась в час ночи, со мной была Мину, лежала рядом и громко мурлыкала. Я лежала и не могла согласиться, что все, что происходит – это реальность! Что нет со мной рядом дорогого человека, который

любит меня всю, без остатка, и которому можно доверить все, что у меня есть и даже мою жизнь. Нет человека, которого я не боюсь и не стесняюсь, и могу быть такой, какая я есть на самом деле – скромная и тихая, веселая и резкая, дерзкая, дикая, умная и не очень, что он меня любит такую, какая я есть, всю целиком, и я его люблю такого же. Что все тайны между нами – только наши тайны и все наше счастье – оно во всем: в радостях и трудностях, в жизни, работе. Наши родители, дети, мы – со своими мечтами и идеями – это все наше общее счастье и наша жизнь на двоих! Теперь я одна и все планы, пожелания – все рассыпалось как сон, навсегда и безвозвратно! Два часа, три часа, тяжело, но сон не приходит. Сердце стучит, пульс зашкаливает. Я заставила себя встать и принять лекарства. Затем укуталась в два одеяла и уснула.

4

Восьмое января, раннее утро. Я проснулась с надеждой в сердце, что сегодняшний день будет для меня очень добрым, а все мои терзания и беды закончатся на этом, я вновь стану счастливой! Мину уже громко мяукала мне на ухо, массажируя лапками плечо. Пора вставить и кормить её. Да и мне самой пора привести себя в порядок.

Я надела красный пеньюар и направилась на кухню, поставила чайник, затем в ванную. Глаза уже не такие заплаканные, намного лучше. Я решила надеть сегодня свое маленькое короткое шерстяное черное платье, оно мне очень нравится, в нем очень удобно и уютно.

На улице выпал мокрый снег, покрыл все машины и дома своим белоснежным ковром. В воскресенье утром французы еще спят, поэтому красоту покрова никто не нарушил, все было белоснежное, чистое, нетронутое и первозданное! Мои яркие орхидеи на окне выделялись на белом фоне как оазис, великолепный островок надежды на что-то новое и чистое!

– Доброе утро, – услышала я голос мужа, оглянулась и увидела, что он уже оделся, как-то решительно, но спокойно выглядело его лицо, возможно он уже принял какое-то решение и готовился мне его сказать.

– Доброе утро, Мартин, чайник уже вскипел. Тебе чай или кофе?

– Хорошо, спасибо, я себе сейчас налью, – ответил он спокойно, сосредоточившись на своих мыслях.

– Может быть съездим в церковь, хочется уединиться ото всего. Возможно, святые пошлют какой-то новый взгляд на происходящее, на весь мир.

– Хорошо, давай съездим в церковь, где хранятся частицы мощей святых.

– С удовольствием, как раз туда я и хотела. Спасибо! – радовалась я его поддержке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.